

17. Campbell M.G. The Sikhs of Vancouver... P. 31.
18. Walton-Roberts M. (Post)colonial Constellations of History, Identity and Space: Sikhs and the Royal Canadian Legion / Working Paper of the Metropolitan Research Center of Excellence. Vancouver, 1999. P. 1.
19. Statistics Canada, Immigrants in Canada. Selected Highlights. 2001. Ottawa, 1994. P. 5.
20. Campbell M.G. The Sikhs of Vancouver... P. 31.
21. Там же. P. 51.
22. Globe and Mail. 2001. Oct. 17.
23. Globe and Mail. 2001. Oct. 19.
24. Globe and Mail. 2006. Sept. 20.
25. Ibid.

М. Монгуш

ВДАЛИ ОТ СВОИХ, СВОИ СРЕДИ ЧУЖИХ. ЗАМЕТКИ О ТУВИНЦАХ МОНГОЛИИ И КИТАЯ

Тувинцы — коренное население Республики Тыва (Тува) в составе Российской Федерации. По данным переписи 2002 г., их численность составляет 244 000 человек, что составляет 70 % от всего населения республики (общая численность 311 000 чел.).

Часть тувинцев проживает за пределами России: в Монголии (около 12 тыс. чел.) и Китае (более 4 тыс. чел.). В Монголии они живут в Баян-Улэгэйском, Кобдоском и Хубсугульском аймаках. К территории Тувы ближе всех расположены Баян-Улэгэйский и Хубсугульский аймаки; первый примыкает к Монгун-Тайгинскому кожууну, второй — к Тоджинскому. Многие тувинцы, живущие в этих аймаках, утверждают, что раньше, когда еще не было установлено государственных границ между Тувой, т.е. Россией и Монголией, их земли считались частью тувинской территории. Установление границ между двумя государствами привело к тому, что они оказались на монгольской территории.

В Китае тувинцы в основном сосредоточены на территории Алтайского аймака Синьцзян-Уйгурского автономного района; основная их часть проживает на крайнем северо-востоке Или-Казахского автономного округа, преимущественно в уездах Каба и Бурчин, а также в уездах Алтай, Чингиль, Кок-Дугай и Бурул-Дугай. В Китае тувинцев называют «кок-мончаками» или просто «мончаками», хотя они сами себя называют «тыва». Есть предположение, что первыми их так начали называть казахи, после чего это название закрепилось в качестве самоназвания народа.

На территории Монголии и Китая тувинцы составляют национальные меньшинства и не имеют национально-территориальной

государственности. Находясь в иноэтничной среде, они в течение веков смешивались с другими народами, что приводило, в одном случае, к естественным ассимиляционным процессам, в другом — к их вхождению в состав соседних народов как этнографических групп. В то же время основной их массив в этих странах до сих пор продолжает сохранять свой родной язык, этническое самосознание и определенные черты традиционной культуры.

Последние десять лет я посвятила изучению современного образа жизни, быта и культуры монгольских и китайских тувинцев. Должна заметить, что занятие это оказалось не простым, хотя и интересным. Представлением, которое у меня сложилось о них, хочу поделиться с читателями.

На каких языках говорят

Когда я оказалась среди монгольских и китайских тувинцев, меня удивило, насколько они легко переходят с одного языка на другой. Из языков окружающих их народов они свободно владеют монгольским и казахским. Тувинский язык преимущественно употребляется в семье, а также во время таких семейных и общественных обрядов и церемоний, как свадьба, похороны и др.

Китайским языком тувинцы, как, впрочем, и их ближайшие соседи, владеют в недостаточной степени, хотя он входит в школьную программу и является обязательным для всех. Причина тому — удаленность и труднодоступность Алтайского аймака и как следствие — его малая заселенность ханьцами — коренными носителями китайского языка, что, в свою очередь, позволяет местным жителям вполне спокойно обходиться без него в своей повседневной жизни.

Для меня, человека, приехавшего в Китай из России, русизмы, которые встречались в языках народов Синьцзяна, в том числе и в тувинском, не могли остаться незамеченными. Неоднократно приходилось слышать из уст кок-мончаков такие слова, как *революция*, *марксизм-ленинизм*, *партия*, *политика*, *Советы*, *автономия*, *республика* и ряд других, которые явно указывали на некогда существовавшее идеологическое единство между бывшим СССР и Китаем. Лексикой подобного рода, как и следовало ожидать, хорошо владеют представители партийной номенклатуры. Не менее успешно мончаки продемонстрировали и знание лексики из области образования. Им хорошо известны слова *школа*, *классы*, *гимназия*, *техникум*, *институт*, *университет* и т.д. Более того, названия некоторых дисциплин, которые преподаются в них, были произнесены также на русском: *математика*, *химия*, *орфография*, *педагогика*, *право* и другие.

Наличие русских слов в языке народов Синьцзяна объясняется довольно просто: до начала «культурной революции» в Китае на территории Алтайского аймака было много русских староверов. Они жили большими деревнями, занимались земледелием, имели русские школы, куда брали учиться и местных детей. Но грянувшая «культурная революция» пришлась им не по душе и вынудила покинуть обжитые места. Какая-то часть староверов уехала в Австралию, другая перебралась в Америку через Бразилию, а большая часть обосновалась в России в пределах нынешней Республики Алтай. С тех пор остались в языках местных народов русские слова. Местное население, кстати, с особой теплотой вспоминает то время, когда рядом с ними жили русские староверы.

Зарубежные тувинцы не имеют своих школ, поэтому их дети учатся либо в казахских, либо в монгольских школах, причем предпочтение отдается последним, так как официально они считаются монголами. Когда тувинские дети впервые приходят в школу, они не знают никакого языка, кроме родного. И поскольку преподавание ведется на монгольском языке, то учителям начальных классов (а это, как правило, тувинцы) приходится переводить учебный материал с монгольского на родной язык. Но с четвертого класса учащиеся уже начинают не только понимать, но и говорить на монгольском языке, который постепенно вытесняет их родной язык. То же самое происходит в школе, где преподавание ведется на казахском языке.

Чем занимаются

Места проживания тувинцев по своим физико-географическим и экологическим особенностям мало чем отличаются от Тувы. По ландшафту они очень близки к Восточной Сибири, чем обусловлен и их резко континентальный климат. Для этих зон характерны открытые пространства, где отсутствуют возможности для искусственного орошения, но зато имеются обильные разнотравьем пастбища. В этих природно-климатических и ландшафтных условиях исторически сложился наиболее рациональный во всех отношениях хозяйственно-культурный тип скотоводов-кочевников.

Монгольские и китайские тувинцы — непревзойденные животноводы. В их хозяйстве до сих пор сохраняются многие традиционные черты; формы ведения хозяйства имеют много общего с соответствующими монгольскими, что подтверждает факт наличия у них общих черт в материальной культуре. Они так же, как и российские тувинцы, имеют сезонные пастбища, роль которых в животноводстве незаменима: это главное условие содержания скота.

Из домашних животных основную хозяйственную роль играют лошади, так как кочевание немислимо без этих животных, издавна

приспособленных человеком для верховой езды и транспортировки груза. Помимо лошадей в большом количестве разводят крупный и мелкий рогатый скот. Особое предпочтение отдается разведению овец — животных, наиболее приспособленных к тебеневкам, т.е. зимним пастбищам, где скот находится на подножном корму.

В незначительной степени развито верблюдо-, сарлыко- и оленеводство, эти направления деятельности носят сугубо локальный характер и не имеют повсеместного распространения. Верблюдоводство отмечается у кобдинских тувинцев, в местах проживания которых имеются пустыни и полупустыни — наиболее подходящие условия для разведения этого вида животных. Сарлыководство развито у баян-улэгэйских тувинцев, живущих на границе с Монгун-Тайгинским кожууном Республики Тыва, где в условиях высокогорья традиционно сложился именно этот тип хозяйствования. Оленеводством занимаются хубсугульские тувинцы-туха (цаатаны), живущие в таежной зоне, примыкающей к Тоджинскому кожууну Тувы, где это занятие — ведущая отрасль хозяйства.

Помимо традиционного животноводства, тувинцы заняты также в других сферах деятельности. Часть населения по характеру своей работы уже привязана к постоянному местожительству, к аймачному или сумонному центру; в основном это учителя, врачи, инженеры, ветеринары, рабочие деревообрабатывающих артелей и артелей по обработке кожи, плотники, строители, служащие органов управления и других общественных учреждений. Молодые тувинцы, чаще всего монгольские, активно стали выезжать на учебу за рубеж: в Германию, Венгрию, Турцию, Россию и Вьетнам, где приобретают современные специальности (программирование, менеджмент, гостиничный и туристический бизнес), которые также предполагают оседлый образ жизни.

Что едят и пьют

Основу питания составляют мясные и молочные продукты. Соотношение между потребляемым количеством мяса и молока зависит от сезона хозяйственного года, который в силу климатических условий делится на зимний (ноябрь — апрель) и летний (май — октябрь). В зимний сезон потребляется прежде всего мясо домашнего скота, а также различные виды мучных блюд и продуктов земледелия. В летнем рационе первое место отводится молочным продуктам, второе — мучным изделиям. Однако мясо в этот сезон не исключается.

Мясо в основном едят в вареном виде. Большие куски мяса опускаются в подсоленную кипящую воду. Долго варить мясо не принято, так как считается, что при длительной термической обработке

все полезные вещества и микроэлементы в нем утрачиваются. Вареное мясо разрезается на мелкие куски, их едят просто так, иногда с диким луком, или запивают крепким бульоном. В бульон добавляются макаронные изделия, или крупу, или картофель. В качестве приправы используется дикорастущий лук. В летнее время мясо также сушат и коптят и используют в качестве *хунезин* — провизии.

Тувинцы также издавна знакомы с традицией употребления в пищу крови животных. В этом отношении они отличаются от своих соседей-мусульман, в частности казахов, которые никогда этого не делают из соображения, что в кровь животных в момент их убоя происходит выброс огромного количества ядовитых веществ, вредных для человеческого организма. Для тувинцев же, напротив, блюда из крови животных являются по меньшей мере деликатесом. Кровь забитого барана они сливают в отдельную посуду и используют преимущественно для приготовления кровяных колбас. Колбаса может быть нескольких видов: чисто кровяной, начиненной помимо крови мелко нарезанным салом или внутренностями с добавлением дикого лука и соли.

Роль молочных продуктов тоже очень велика в рационе зарубежных тувинцев. Они тысячелетиями вырабатывали различные способы приготовления продуктов из молока: сыра (*быштак*), масла (*саржаг*), сливок (*ореме*), кумыса (*хымыс*), кефира (*тарак*), простокваши (хойтпак), сушеного творога твердой (*курут*) и рассыпчатой (*ааржы*) консистенции и др. Молочные продукты обычно делятся на скоропортящиеся и долгохранящиеся. К скоропортящимся относятся сливки, пресный сыр, простокваша, кефир, молоко, а топленое масло и сушеный творог можно хранить достаточно долго. Сушеный творог часто выполняет функцию «стратегического продукта» для человека, долгое время находящегося в пути. Небольшой мешочек с *курутом* или *ааржы* весом 1–3 кг позволяет ему более месяца обходиться без другой пищи, сохраняя при этом бодрость духа.

Особо следует подчеркнуть роль содержащих алкоголь напитков молочного происхождения. Тувинцам издавна, как и другим кочевникам, было известно алкогольное брожение молока, например, приготовление кумыса и кефира крепостью до 2–3 градусов. Однако особой популярностью у них пользуется молочная водка — *арага*, которую гонят из кислого молока.

Молочная водка — неременный компонент застолья во время приема гостей, семейных торжеств и важнейших событий жизненного цикла. Крепость ее в зависимости от степени перегонки и качества очистки варьируется от 11 до 44 градусов. Хранят *арагу* обычно в *когээржике*, кожаном бурдюке (емкостью 5–10 л), в котором напиток даже в жаркое время остается прохладным.

В повседневной жизни основным напитком во все времена был и остается незаменимый зеленый чай с молоком, который по способу приготовления имеет несколько локальных вариантов. Например, в чай, помимо молока, добавляют либо соль, либо масло; иногда то и другое вместе. Иногда для большей калорийности в чай добавляют курдючное сало, мелко нарезанные кусочки мяса, боорзаки — кусочки теста, зажаренные в кипящем масле. Тогда чай по своей консистенции больше напоминает суп.

Какие песни и танцы предпочитают

В песнях монгольских и китайских тувинцев любовно воспеваются «великие реки» — Енисей, Иртыш, Кобдо, «великие горы» — Саяны и Алтай, степи и долины, а также Танды-Тыва — родина тувинцев. Эти образы ассоциируются то с кочевьями, то с воспоминаниями об охоте, то с мыслью о любимом и верном друге — коне, постоянном спутнике, называемом в песнях множественством ласковых имен. Песни, как правило, исполняются на одну и ту же мелодию, хотя по смыслу и содержанию они совершенно различны.

Особого внимания заслуживает такое специфическое явление музыкального фольклора, как горловое пение — *хоомей*. Традиционно *хоомей* считается искусством мужского пения, символизирующим мужскую удачу, вдохновение доброго молодца. К этому жанру относятся так называемые песни пастуха, табунщика, охотника, оленевода, холостяка, ловеласа и т.д. В зависимости от ситуации они исполняются либо в сопровождении музыкальных инструментов (*игила, шоора, довшинуура, бызанчы, хомуса*), либо без них.

Хоомей в прошлом имел практическое значение. Например, исполняя его, охотник мог позвать к себе любого зверя, а чабан — найти потерявшееся животное. Музицирование в тайге перед охотой должно было обеспечить человеку удачу не только в охоте, но и во всех других делах и хозяйственных заботах. Предполагалось, что дух-хозяин тайги, земли или воды, которому поклоняется охотник, при почтительном отношении к нему человека, будет оберегать его от неприятностей или несчастных случаев, охранять его здоровье, счастье семейного очага.

Особой популярностью у зарубежных тувинцев пользуются современные вальс, танго, фокстрот, полька и др. Еще в середине 1950-х годов известный тюрколог Э.Р. Тенишев заметил, что для всех народов Синьцзяна танцы являются самым излюбленным видом отдыха, причем его несколько удивило, что женщина танцует с женщиной, мужчина с женщиной и редко женщина в паре с мужчиной.

Оказавшись в Синьцзяне почти пять десятилетий спустя, я увидела почти то же самое, разве что танцующих парами мужчин и женщин стало немногим больше.

Как относятся к детям

Дети для тувинцев — самое дорогое из того, что у них есть; в них они видят главный смысл своей жизни. К ним относятся удивительно нежно и заботливо, никогда не наказывают. Ребенка не целуют, а нюхают, что является наивысшей формой ласки у тувинцев.

Бездетность в тувинском обществе воспринимается как большое несчастье, поэтому нет ничего предосудительного в том, чтобы взять на воспитание чужого ребенка.

У зарубежных тувинцев существуют предписания, которые, по их мнению, носят защитный характер, например обмазывание лба ребенка сажжей, если вечером его должны вынести из дома; пришивание к его одежде когтя медведя или орла, которые, по поверьям, защищают от порчи и сглаза; запрет перешагивать через одежду ребенка, дабы не лишиться его покровительства добрых сил; обычай давать ребенку несколько имен, чтобы обманывать таким образом злых духов, вознамерившихся забрать его душу.

Если дети в семье часто умирают, то, желая сохранить новорожденному жизнь, ему дают неблагозвучное имя типа Багай-оол (плохой мальчик), Кара-кыс (черная девочка), Толгай-оол (кривой) и т.д. В этих же целях иногда мальчика называют женским именем, девочку — мужским; или девочку одевают как мальчика, а мальчика — как девочку, при этом первой стригут волосы, второму, наоборот, их отрачивают и заплетают в косу.

Очень популярен праздник «первой колыбели», устраиваемый на третьи или седьмые сутки после рождения ребенка. До этого он безотлучно находится с матерью и спит с ней в одной постели. Поскольку тувинские семьи, как правило, имеют больше одного ребенка, детей принято растить в одной и той же колыбели, которая переходит от старших детей к младшим. Если нужна новая колыбель, ее изготавливают родственники роженицы по материнской линии.

Другой широко бытующий обряд у монгольских тувинцев называется «дук алыр», у китайских — «хылбыын алыр»; он известен как обряд первой стрижки, совершают его родители и родственники ребенка по достижении им трехлетнего возраста (считая внутриутробный период развития). Обряд этот, сопровождаемый преподнесением ребенку щедрых даров в виде скота и предметов личного пользования, знаменует переход от младенчества к детству.

Сколько детей принято иметь

Численность тувинского населения в Китае, к сожалению, не возрастает. Отчасти это объясняется политикой жесткого ограничения рождаемости: Китай, насчитывающий уже миллиард триста миллионов человек, испытывает серьезные социально-экономические проблемы, вызванные перенаселением страны. Прокормить население, рост которого во многом «съедает» результаты социально-экономического развития страны, не так просто. Китайские демографы советовали приступить к ограничению рождаемости сразу после победы революции. Однако Глава Компартии КНР Мао Цзэдун был решительным противником этого курса, он утверждал, что чем больше людей, тем лучше, и предлагал по советскому примеру учредить в стране почетное звание «Мать-героиня».

Официально власти взялись за ограничение рождаемости только после смерти Великого кормчего. В 1980 г. Госсовет КНР ввел в действие лозунг: «Одна семья — один ребенок». При этом власти все же разрешили представителям национальных меньшинств, численность которых не превышает нескольких тысяч человек, иметь двух детей в семье. За право завести еще одного ребенка нужно заплатить налог в 3200 долларов США — сумма по местным меркам просто запредельная; а за нарушение закона грозит тюремное заключение.

Многие семьи, живущие на периферии, часто рожают детей больше, чем положено. Они их прячут. Эти дети не ходят в детские сады, не учатся в школах, им не выдают паспорта, т.е. они официально как бы не существуют. Правда, китайские тувинцы уверяли меня, что это явление не характерно для них; более того, они считают, что им повезло, так как по сравнению с ханьцами (представителями титульной нации) им предоставлены более благоприятные условия для увеличения своей численности; в таком дифференцированном подходе они видят заботу Компартии и правительства о будущем малочисленных народов.

Однако как бы привлекательно ни выглядела со стороны такая политика, объективно нет никаких серьезных оснований говорить о расширенном воспроизводстве тувинского населения в Китае. В этом отношении тувинцы Монголии находятся в более выгодном положении, поскольку не испытывают подобных ограничений, поэтому численность их почти вдвое превышает численность кок-мончаков в Китае.

Какие у них шаманы

Шаманский дар не столь редкое явление среди монгольских и китайских тувинцев. «Человек, которому суждено сделаться шама-

ном, рано начинает чувствовать свое предрасположение к этому, — писал еще в 1880-х годах Г.Н. Потанин, — он становится больным и по временам впадает в бешенство. Некоторые по несколько лет воздерживаются от вступления в шаманы, потому что участь эта не завидная. Но это воздержание обходится им дорого; оно соединено с большими страданиями; отдаленные звуки бубна сначала приводят такого болезненного человека в легкую дрожь; его начинает подергивать, потом подергивания становятся сильнее и сильнее; человек начинает кривляться, глаза разгораются; он вскакивает, мечется, дурит».

Шаманский дар чаще всего передается внутри одного рода. Если в роду был шаман, то «кровь его непременно отродится в потомках», это как «дворянская порода», как «белая кость». Если сын или дочь шамана не обнаружат в себе шаманского дара, это не означает, что линия преемственности прервалась — кто-нибудь из будущих потомков обязательно родится с этим призванием.

Ни одни поминки у монгольских и китайских тувинцев не проходят без участия шамана: он обычно передает родственникам «тайную», «скрытую» информацию, которую получает от покойника. Это чрезвычайно важно с точки зрения принятия ряда превентивных мер. Например, во время «встречи-разговора» с душой умершего, она может сообщить шаману не только о причинах смерти или какие-то свои особые пожелания, но и предсказать, что ждет его родственников в ближайшие два-три года. Если им грозят беды, то шаман по просьбе родственников совершает сложный обряд по предотвращению неблагоприятных предсказаний. Люди этому моменту придают исключительно важное значение, поскольку уверены, что если не принять превентивных мер, все произойдет именно так, как было предсказано.

Какие у них праздники

Политические события, происшедшие в регионе в начале XX в., привели к определенной ломке традиционной праздничной культуры. Испытав сильное влияние со стороны бывшего СССР, Монголия и Китай не только встали на путь социалистического развития, но и приняли атеизм в качестве основной идеологии народных масс. Результатом этого шага стал запрет на официальное проведение обрядов и праздников традиционного календаря, в которых так или иначе проявлялось религиозное сознание. В первую очередь это коснулось обряда *оваа дагылгазы* и *Шага* — тувинского Нового года по лунно-солнечному календарю.

Монгольские и китайские власти рассматривали любые национальные праздники и обряды как пережитки прошлого и призы-

вали общество вести с ними беспощадную борьбу. В Китае отношение к ним изменилось в начале 1980-х годов, когда правительство страны взяло курс на реформирование общества, в результате которого всем народам, проживающим в стране, официально разрешили отмечать их национальные праздники, проводить традиционные обряды, ритуалы и церемонии. Десятью годами позже такое же право получили монгольские тувинцы. С тех пор тувинцы ежегодно в начале лета устраивают обряд освящения *оваа*, а также празднуют традиционный Новый год, который, кстати, как утверждают монгольские тувинцы, отмечался ими и ранее, но только нелегально.

На рубеже XVIII–XIX вв. культ *оваа* был неразрывно связан с культом плодородия, с древними представлениями о том, что духи-хозяева местности могут влиять на будущий урожай, жизнь людей и т.д. Обряд также имел важное социально-коммуникативное значение; он как бы включал духов-хозяев и духов-предков в единый социальный организм, при этом люди вступали с ними в контакт и таким образом осуществляли «связь» живущих с потусторонним миром.

В настоящее время обряд освящения *оваа* — общественный праздник, призванный играть консолидирующую роль, объединяя различные тувинские роды в единое целое. Самым подходящим местом его проведения по-прежнему являются горы, так как возвышенности, по представлениям тувинцев, любимое место обитания духов-хозяев местности. Чтобы соорудить *оваа* на горе, туда на волах и лошадях подвозят тальник, из которого делают нечто вроде шалаша с входом во внутрь; основание *оваа* обрамляют большими плоскими камнями, чтобы сильный ветер не смог разрушить сооружение.

Именно на возвышенности во время обряда совершаются действия сакрального характера. Религиозная часть обряда, имеющая скорее символическое значение, в основном сводится к тому, что специально приглашенный по этому случаю шаман устраивает «кормление» духов-хозяев местности, приносит им ритуальную жертву, просит их содействовать хорошему травостою, богатому приплоду скота, здоровью и долголетию людей. Значительное место отводится благопожеланиям, хвалебным гимнам, высоким речам, которые произносятся почетными членами общества в особо торжественной тональности. В своих речах тувинцы прежде всего восхваляют родную землю, вскормившую их и дарующую им свои богатства, людей, живущих на ней, которые своей активной трудовой деятельностью преобразуют ее в «райский уголок земли».

Затем все участники обряда спускаются в долину. Долина — противоположность возвышенности — это место, где живут обычные люди с их радостями и бедами, болезнями и грехами. Чтобы не тре-

вожить духов своими мирскими забавами, заключительную часть обряда устраивают в долине. Она, как правило, насыщена всевозможными элементами праздника: исполняются песни и танцы, устраиваются традиционные спортивные состязания по борьбе *хуреш*, конным скачкам и стрельбе из лука.

Новый год *Шагаа* — также один из самых значительных праздников в календарной обрядности зарубежных тувинцев. Он не имеет фиксированной даты; начало его может смещаться в пределах конца января — конца февраля. *Шагаа* является тем временным промежутком, когда уже завершены сельскохозяйственные работы уходящего года и начинается подготовка к работам нового цикла. Время наступления Нового года воспринимается как особое, сакральное время, когда происходит разрыв между прошлым и будущим, сопровождающийся борьбой между добром и злом в их космическом значении. В то же время это праздник, утверждающий великую «связь времен» жизни, человечества и Вселенной.

Канун Нового года у тувинцев называется *чансар*. В это время уважаемые пожилые люди произносят благопожелания, весьма разнообразными по содержанию. Одни из них призваны способствовать цветению трав и богатому приплоду скота, другие содержат пожелания благоденствия и счастья всем родственникам в новом году и во всей последующей жизни, многочисленного потомства и т.д.

Монгольские и китайские тувинцы встречают Новый год с восходом солнца. Чтобы не пропустить этот важный момент, взрослые стараются не ложиться спать, так как, по существующему поверью, в новогоднюю ночь Будда объезжает на своей колеснице Землю и, если ему попадаются спящие люди, он принимает их за мертвых и не благословляет.

В первый день *Шагаа* принято обмениваться особым новогодним приветствием *амырлажыр*: младший протягивает старшему обе руки ладонями вверх, старший возлагает на них сверху свои руки ладонями вниз. Это приветствие обязательно не только в первый день наступившего года, но и в течение последующих двух недель; таким жестом люди выражают уважение друг к другу, пожелание благополучия и удачи. Первый день *Шагаа* проходит во взаимных визитах, сопровождающихся обменом подарками. Обычай новогоднего обмена подарками обязателен и играет очень важную роль в системе социальных ценностей тувинского общества. Стоимость подарка не имеет большого значения, главным считается проявление внимания. Не принято дарить всего несколько вещей — колющие и режущие предметы, зеркало и одежду, которая надевается сверху вниз (головной убор, свитер, футболка), так как она «отнимает голову» у того, кому преподносится. Предпочтительно дарить что-то белое: молочные продукты, белый *кадак* (ленточная

ткань), белый мех и т.д. У тувинцев в дни празднования Нового года очень почитается белый цвет, который в символике ряда тюркомонгольских народов ассоциируется с представлением о счастье. Под счастьем тувинец чаще всего подразумевает изобилие скота и всего, что является производным от него: мяса, молока, шерсти, меха и т.д.

В первый день Нового года каждый *аал* совершает коллективное жертвоприношение духам-хозяевам местности возле небольшого *оваа*. В основе обряда лежит идея магии плодородия — тувинцы около *оваа* молятся о богатом потомстве, урожае и приплоде скота.

Обязательным в дни празднования Нового года являются и коллективные катания с гор на шкурах животных. Каждый человек должен от души поваляться, покувыркаться на снегу, затем все стряхнуть, чтобы все старое осталось в старом году.

Функционально вся новогодняя обрядность символизирует устремленность в будущее. Новый год по лунно-солнечному календарю является началом весны, и этим обстоятельством объясняется его особая роль: он как бы дает импульс всему новому.

В настоящее время *Шагаа* у тувинцев Монголии и Китая возведен в ранг национального праздника и официально празднуется в течение трех дней. Возродившись как неотъемлемая часть традиционной культуры, он представляет собой один из важнейших компонентов этнического самосознания тувинцев.

Ностальгия по Туве

Тувинцы Монголии и Китая относятся к Туве как к большой Родине, образ которой идеализируется не только в устном народном творчестве, но и в представлении людей. Когда я спрашивала китайских тувинцев, какую страну они хотели бы посетить, все отвечали одинаково: «Россию, а именно Туву, родину наших предков». Однако желания уехать в Туву на постоянное жительство никто не изъявлял. И аргумент у них был довольно лаконичным: «Мы отсюда никуда не уедем, здесь похоронены наши отцы и деды». В отличие от них многие тувинцы, живущие в Монголии, готовы навсегда переехать в Туву, если на это согласятся российские власти. Их на это вдохновляет пример соседей-казахов, уезжающих на постоянное жительство в Казахстан.

В то же время монгольские тувинцы воспринимают себя гражданами Монголии, китайские — гражданами Китая. Монголия и Китай для живущих там тувинцев являются их родиной. И с этим трудно не согласиться.